

Б. А. УСПЕНСКИЙ

**ДОЛОМОНОВСКИЙ ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РУСИСТИКИ:
АДОДУРОВ И ТРЕДИАКОВСКИЙ**

1. В настоящее время можно со всей определенностью утверждать, что «Российская грамматика» М. В. Ломоносова не была (как это считалось до сих пор) первым опытом кодификации русской речи, иначе говоря, первой грамматикой русского языка, предназначенной непосредственно для самих его носителей. Ей предшествовала в этом качестве грамматика В. Е. Адодулова, написанная (по всей видимости, в 1738—1740 гг.) по-русски, а затем (в 1750 г.) опубликованная в шведском переводе под именем переводчика М. Грёнинга¹; это сочинение обозначается далее — Адодулов, Грамматика².

Рассмотрение этой грамматики, ее источников и ее последующей судьбы позволяет исследовать отношение лингвистических взглядов предшественников Ломоносова и говорить вообще об особом — до л о м о н о с о в с к о м — периоде отечественной русистики, основными представителями которого являются В. Е. Адодулов и В. К. Тредиаковский, а также В. Н. Татищев.

Естественно, что в центре внимания находились при этом вопросы о р ф о г р а ф и и: орфография вообще играет доминирующую роль в самосознании литературного языка, с другой же стороны, именно в графических различиях (начиная с противопоставления гражданской и церковной азбуки) с наибольшей наглядностью выражалось противопоставление русской и церковнославянской языковой стихии. При этом если правописание церковнославянских текстов опиралось на собственно орфографическую традицию, то правописание русских (иначе говоря, гражданских) текстов в той или иной степени могло приближаться к транскрипции реального произношения (но могло быть обусловлено, вообще говоря, как живым, так и книжным произношением).

¹ Это доказывается в работе: Б. А. Успенский, Первая грамматика русского языка на родном языке, ВЯ, 1972, 6.

² Русский текст Грамматики Адодулова сохранился лишь частично в рукописи Библиотеки Академии наук (шифр 16.7.3). Более полный текст может быть восстановлен по переводу Грёнинга, см. изд.: M i c h a e l G r o e n i n g, Российская грамматика. Thet är Grammatica Russica eller Grundelig Handedning til Ryska Språket..., Stockholm, 1750 (далее — Адодулов, Грамматика, шведский перевод). Страницы при ссылках указываем по русскому списку, если только специально не оговаривается обратное; ссылки на параграфы всегда относятся к первой части Грамматики Адодулова.

Эту — пространную — грамматику Адодулова не следует смешивать с его более ранним кратким грамматическим очерком на немецком языке, см.: «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache», в изд.: «Deutsch-Lateinisch- und Rußisches Lexicon...», СПб., 1731 (далее — Адодулов, Очерк 1731 г.).

2. Вышеупомянутая (рукописная) Грамматика Адодурова была определено известна Тредиаковскому, который использовал ее в своем знаменитом орфографическом трактате 1748 г. («Разговоръ между Чужестраннымъ челоѡкомъ і Россійскимъ объ Ортографіи старінной і новой і о всемъ что принадлежитъ къ сей матеріи», СПб., 1748. Далее — «Разговор об орфографии»³). Вместе с тем, рассмотрение трактата Тредиаковского позволяет реконструировать более полный текст этой грамматики, а также определить некоторые источники, которыми пользовались оба автора.

Прежде всего необходимо отметить общность принципиальных идей, касающихся устройства новой гражданской орфографии, у Адодурова и у Тредиаковского; особенно же знаменательно при этом то обстоятельство, что выражение этих идей в ряде случаев оказывается у них т е к с т у а л ь н о б л и з к и м.

2.1. Для обоих авторов характерна вообще ориентация на у с т н у ю речь (что прямо связано с отмеченным выше характером противопоставления церковнославянской и русской языковой стихии). Важно подчеркнуть, что именно в Грамматике Адодурова был впервые — на русской почве — провозглашен фонетический принцип (русской) орфографии, игравший затем столь большую роль как в орфографической теории Тредиаковского, так и в его практических рекомендациях.

Действительно, и Адодуров, и Тредиаковский выступают за фонетическое письмо (Ломоносов, как известно, окажется позднее более консервативным в этом отношении). Это касается как самого инвентаря знаков, так и правил их сочетаемости. В первом случае эта позиция выражается в призыве исключить лишние буквы из алфавита. «Для прави^тного изображенія словъ и рѣчей надлежало бы имѣ^т то, что сто^тко особливыхъ знаковъ, ско^тко есть въ которо^тмъ языкѣ особливыхъ голосовъ или звоно^в, слова того языка составляющихъ», — пишет Адодуров, и с этих позиций критикует русскую гражданскую азбуку, в которой «нѣкоторыя гласы двумя или тремя знаками и^твляются, и прито^тмъ еще одинъ знакъ [имеется в виду буква ъ — Б. У.] весьма никакого гласа не значащій» (Грамматика, § 4, стр. 3—4, ср. также § 15, стр. 7—10). Точно такого же мнения и Тредиаковский («Разговор об орфографии», стр. 108), который также считает, что «лишніе буквы всеконечно должныствуютъ быть выключены изъ нашея ортографіи», и, как известно, основывается на этом положении в изобретенной им орфографии.

Во втором случае речь идет о требовании фонетических написаний, отражающих позиционные изменения звуков. В Грамматике Адодурова говорится, что «до^тжны мы... во пер^твы^т самое прои^тношеніе почита^т за нше главное правило и оно^тму въ писмѣ ско^тко мо^тжно точно послѣдова^т» (§ 61, стр. 60, см. также §§ 23—24, стр. 12—17); уже во вторую очередь учитываются этимологический и другие критерии. Еще более последовательно высказывается та же мысль в «Разговоре об орфографии» (стр. 94, 277—283, 410, 415—416)⁴; от этого положения, между прочим, Тредиаковский не отказывается и в дальнейшем, когда он не настаивает уже на той специальной орфографии, описание которой содержится в его трактате 1748 г.: ср. в «Предуведомлении» к первому тому переведенной им «Рим-

³ Ссылки на данное издание, равно как и на указанные выше сочинения Адодурова, даются в дальнейшем непосредственно в тексте настоящей статьи. Разрядка в цитатах во всех случаях принадлежит автору статьи.

⁴ Ср. разбор соответствующих высказываний Тредиаковского у Г. О. Винокура в статье «Орфографическая теория Тредиаковского» (Г. О. В и н о к у р, Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 468—489).

ской истории» Роллена: «Ореографія мой, большую частію, есть по изглашенію для слуха, а не по произведенію ради бѣка»⁵.

Концептуальная общность Адодурова и Тредиаковского проявляется при этом и в конкретной реализации соответствующих идей. Так, оба автора считают явлением одного порядка позиционные фонетические изменения (типа оглушения звонких согласных и т. п.) и морфологизированные звуковые чередования⁶, что в общем отрицательно сказывается на провозглашаемых ими принципах фонетического письма⁷. Вместе с тем, следует отметить, что соответствующая трактовка обусловлена, по-видимому, стремлением приспособить заимствованную из славянской грамматической традиции категорию «изменяемых», или «переменяющихся», согласных к описанию живой русской речи⁸, т. е. влить в данный термин принципиально новое содержание.

Любопытно, что как у того, так и у другого автора орфографические реформы ограничиваются главным образом областью консонантизма и почти совсем не касаются вокализма.

2.2. В Грамматике Адодурова настойчиво проводится мысль об условном характере как произносительной, так и орфографической нормы, вполне созвучная позднейшим высказываниям Тредиаковского. См. у Адодурова: «Знаки которыми человѣческая рѣчь въ писмѣ изображается... сами по себѣ никакова схоства съ тѣми звонами или гласами не имѣютъ [sic!], изъ которыхъ слова составляются, но сіе знаменованіе придано имъ отъ одного токмо согласія, или произволенія людей и для того нѣтъ въ томъ никакой силы, какимъ бы знакомъ который голосъ или звонъ спелва изображенъ ни бытъ» (§ 3, стр. 2—3); «понеже проишошеніе словъ и рѣчей утверждае^тся на о^дномъ то^лко соизволеніи людей, которые въ само^м началѣ о причина^х таки^х вѣщей може^т бы^т и не рас^суждали то не дивно, что не всегда тому мо^жно сыскива^т по^длинную причину для чего они одно слово такъ а другое инакъ стали выговарива^т» (§ 61, стр. 59—60). Близкие замечания на ту же тему можно найти и в «Разговоре об орфографии». По Тредиаковскому, орфография изображает «по произволенію, извѣсны гблоса нашего звоны, і звонувъ разны способы; а целыя слова не значать звонувъ, ні ихъ способувъ, но самыя вешчі имі изображаемыя, по общему всего какова нибудь народа согласію» (стр. 119—120). Или в другом месте того же сочинения: «какъ буква, такъ і складъ есть проізвольный знакъ, лібо звона проісходяшчаго отъ нашего гблоса, лібо его растворенія» (стр. 25)⁹. О том же пишет Тредиаковский и в более позднем рассуждении «О словѣ, или словесности», помещенном в качестве первой части «Предуведомления» к VII тому «Римской истории»¹⁰.

⁵ «Предуведомленіе отъ трудившагося въ переводѣ», в изд.: [Ш.] Р о л л е н ь, Римская история..., I, СПб., 1761, стр. 28 спец. пагинации.

⁶ См. §§ 26 и сл. адодуровской Грамматики. О Тредиаковском см. специально: Г. О. В и н о к у р, указ. соч., стр. 476—477, 488.

⁷ Ср. в этом отношении критику орфографических принципов Тредиаковского у Г. О. Винокура (там же).

⁸ Понятие «изменяемых» («переменяющихся») согласных заимствовано Адодуровым и Тредиаковским, вероятно, из грамматики Смотрицкого, но распространено за счет позиционных альтернатив: тем самым этимологически обусловленные чередования отождествляются здесь с изменениями типа сандхи и т. п.

⁹ Под «растворением звона» (или «способом звона») Тредиаковский понимает согласные звуки, тогда как гласным соответствуют собственно «звоны» в чистом виде. См. «Разговор об орфографии», стр. 23.

¹⁰ См. изд.: [Ш.] Р о л л е н ь, Римская история..., VII, СПб., 1763, стр. XI. Ср.: С. А. К о п о р с к и й, Забытые страницы В. К. Тредиаковского «О слове, или словесности», «Уч. зап. МОПИ», С («Труды кафедры русского языка»), 6, 1961, стр. 292—293.

Отсюда первостепенное вообще значение придается «общему (resp.: обыкновенному) употреблению» (или, в частном случае, «общему произношению») как критерию языковой правильности. Соответствующую ссылку неоднократно встречаем в Грамматике Аодурова [§§ 23, 24, 29, 56, 61, стр. 15, 16, 19, 43—44, 59, а также §§ 73, 90, 95, 97, 100, дошедшие до нас, ввиду лакуны в русском списке Грамматики, лишь в шведском переводе М. Грёнинга (см. здесь соответственно стр. 40, 41, 50, 52, 54, 55); ср. еще ссылку на «нынешнее употребление» в §§ 110, 115, стр. 124, 130, а также программное заявление о необходимости следовать «доброму употреблению» в предисловии к Грамматике (стр. 2)]¹¹. Апелляция к «общему употреблению» (resp.: «произношению») в высшей степени характерна и для «Разговора об орфографии» ТрEDIAKовского (стр. 45, а также примеч. к этой странице, 63, 68 примеч., 94, 370—371, 373, ср. еще стр. 405, 462). Следует заметить, что такого рода ссылку можно встретить и в более ранних работах как того, так и другого автора (ср. ниже).

2.3. Мы можем сказать вообще, что Аодурова и ТрEDIAKовского объединяет представление о самостоятельности и независимости гражданской орфографии, связанное с отчетливым стремлением противопоставить русское и церковнославянское правописание подобно тому, как противопоставлены русская гражданская и церковная азбука; отсюда именно и стремление к радикальной перестройке гражданской орфографии. Это проявляется, между прочим, при написании заимствованных слов, которое, по мысли как того, так и другого автора, должно основываться на произношении соответствующих слов, но не на орфографии того языка, откуда они были заимствованы, — как это характерно, между тем, для церковнославянской письменности¹². Опять-таки, и в этом случае можно констатировать отмеченный выше характер противопоставления церковной и гражданской орфографии: первая продолжает собственно орфографическую традицию, которая может достаточно сильно отклоняться от произносительной нормы, вторая ориентирована именно на фонетику. С известным огрублением можно сказать, что церковнославянская орфография ориентируется в этих случаях на транслитерацию, а противостоящая ей русская гражданская орфография — на транскрипцию.

См. об этом в §§ 77, 72 Грамматики Аодурова и, с другой стороны, на стр. 68—69, 99, 118—119, 124 и сл., 342—353 «Разговора об орфографии». При этом важно отметить текстуальную близость обоих источников. Ср.:

¹¹ Характерно, что являясь вообще сторонником фонетического принципа орфографии, Аодуров не решает, однако, реализовать этот принцип в тех случаях, когда он определенно противоречит «общему употреблению». Так, говоря об отражении на письме того или иного фонетического явления, Аодуров может специально оговариваться, что «общее употребленіе того во всѣх случаях [sic!] еще не по^тре^вждае^т [sic!] читай: «подтверждает». — В. У. I (§ 23, пункт VI, стр. 15) или же даже что хотя «о^бщее всѣх людей произношеніе по^тре^вждает о^днако^ж во употребленіе еще не вошло» (§ 29, стр. 19) и что многие слова «обыкновенны^м о^бразом^м весьма инако пишу^тся нежели как они выговариваются» (§ 24, стр. 16—17).

«Общее (обыкновенное) употребленіе» выступает, тем самым, для Аодурова как последняя и окончательная инстанция. Следует сказать, что ТрEDIAKовский гораздо более радикален в отношении фонетического письма, хотя и он может признавать, что «многія в^сще словá» пишет «не по звону, но по о^бы^кн^ов^ен^ію» (стр. 282).

¹² Ср. в грамматике Смотрицкогo: «Опаснѡ прѡчее блудѡмо боудѡ: во греческихъ реченіихъ, греографіи греческой, в латинскихъ латинстѣй хранімѣй быти: ѡ во еврейскихъ, еврейстѣй» ([Мелетій Смотрицкій], Грамматика, 2-е изд., М., 1648, л. 58 об. Ср. 1-е изд. этой грамматики — Евье, 1619, л. Б²). Соответствующее правило очень часто цитируется в сочинениях о церковнославянском языке.

А до д у р о в, Г р а м м а т и к а
(§ 77, стр. 44 шведского перевода)¹³

Т р е д и а к о в с к и й, «Р а з г о в о р
о б о р т о г р а ф и и» (стр. 345—346)

..hwarföre skulle man påtaga sig sådana swårigheter, som ingen nytta med sig hafwa, och hwilka man ganska wål kan wara förutan: och hwarföre skulle man öfwerlasta Ryska Språket med Reglor, som höra til Grekiska, Hebraiska och Latinska Språken, emedan thet med them ingen likhet hafwer: wille man theras Orthographie följa, så borde man äfwen hålla sig wid Turckiska, Persianska, Arabiska, Indianska och alla andra Språks Orthographie, hwilka thertil lika rätt äga.

Какъ? ежели кто россиянинъ захочетъ прямо пороссійски писати; тому необходимо должно знати всѣ въ свѣтѣ языки, нашими буквами по случаю иногда изображаемые? Надобно ему знати поиндійскі, поперсіцкі, поарапскі, потурецкі, покітайскі, пояпонскі, поамериканскі, помалабарскі, словомъ, надобно ему знати всея Европы, всея Asii, всея Афріки, і всея Америки всѣ на-все языки...

Показательно, что непосредственно перед этим в обоих источниках обсуждается правописание одних и тех же форм: *ангелъ* — *аггелъ*, *Панкратій* — *Пагкратій*.

В соответствии с изложенной установкой как Адодуров, так и Тредиаковский считают возможным исключить из гражданской орфографии фиту: см. § 72 адодуровской Грамматики (ср. еще § 5 шведского перевода; то же и в адодуровском очерке 1731 г., стр. 3) и «Разговор об орфографии», стр. 158—166, 183—191, 61—64. Особенно же знаменательно, что оба автора с о в е р ш е н н о о д и н а к о в о полемизируют с мнением, высказанным в свое время Федором Поликарповым, который призывал в своем трехязычном букваре сохранять различие между *φ* и *ϕ*, ссылаясь на то, что если *Θεοδορ* (через *ϑ*) означает по-гречески «богодар», то *Φεοδορ* (через *φ*) означает «змиодар»¹⁴. Ср.:

А до д у р о в, Г р а м м а т и к а
(§ 72, стр. 79)

Т р е д и а к о в с к и й, «Р а з г о в о р
о б о р т о г р а ф и и» (стр. 186—187)

...какое различіе произошли бы въ томъ и въ само^м знаменованіи буде бы слово *Θεοδορ* у насъ чрезъ [sic! читай: «чрезъ». — Б. У.] *φ* написано было; напрасно нѣкоторые думаютъ бу^тто *Θεοδορ* написанное чрезъ *φ* значи^т *даρ змѣ* а то^ж слово изображенное літерою *ϑ* на наше^м языкѣ и^зявляетъ *даρ Бжій*, для того что змѣи у греко^в называе^тся не *θεός* [sic! Должно быть: *φεός*. — Б. У.], но *βφς*.

...(φ), написанный вмѣсто (ϑ), не перемѣнитъ, ні істребитъ знаменованія въ словѣ Феодоръ... Праведно, что слово Феодоръ на греческомъ языкѣ, написанное чрезъ (φ), значить *божій даръ*; но весьма ложно, что оно^ж значить, *змѣевъ даръ*, написанное чрезъ (ϑ), для того что погречески змѣи не *θεός* но *βφς*.

Рассмотрение вопроса о фите дает возможность Адодурову, а вслед за ним и Тредиаковскому, противопоставить не только правописание, но и произношение грецизмов в церковном и гражданском языке. Так, весьма

¹³ Этот параграф не вписан в русский текст и дошел до нас только в шведском переводе М. Грёнинга.

¹⁴ См.: [Ф. П. П о л и к а р п о в], Бѣкваръ славѣнскими, грѣческими, римскими писменами..., М., 1701, л. 7.

знаменательное указание адодуровской Грамматики (§ 69, стр. 75—76), что «нѣѣ и въ приняты^х и³ греческаго языка слова^х [а не только в греческих словах, пришедших через латынь.— *Б. У.*] вмѣсто Ѣ по бо¹⁵шой части употребляе^тся *т*», причем приводятся примеры: *театръ, кате^рра, тронъ*, но отмечается, что это правило не распространяется на некоторые имена собственные¹⁵, — вполне соответствует аналогичному заявлению ТрEDIAKовского в «Разговоре об ортографии». Говоря о произношении русских слов, соответствующих греческим формам *θεολογία, θέμα, μαθηματική*, ТрEDIAKовский свидетельствует, что «нынѣ Едва, і Едва лі ешче, кто можетъ найдѣсь, который бы ихъ [эти слова.— *Б. У.*] не чрезъ (т) выговаривалъ симъ образомъ: Теологіа, Тема, Математика: і потому, не токмо въ семь никакѡва грѣха не находятъ, но ешче сіе самое і са красоту почитаютъ. Напротівъ того, — отмечает, вместе с тем, ТрEDIAKовский, — ніктожъ не проінесетъ у насъ сіихъ греческихъ словъ, *Θεράποντα, Θεοδότηον, Терапонтомъ, Теодосіемъ*; но всѣ выговариваютъ *Ферапонтомъ, Феодосіемъ*» (стр. 189—190). Еще определеннее ТрEDIAKовский высказывается на этот счет в предисловии к «Тилемахиде», где фигурируют, между прочим, те же самые примеры, которые приводит в своей грамматике Адодуров: «Званія внѣшнихъ или гражданскихъ Наукъ, гласятъ у насъ нынѣ обыкновеннѣе по выговору *З а п а д н ы хъ*. На примѣръ, пишемъ и произносимъ мы... *Тронъ*, а не *Θρονъ*; *Театръ*, а не *Θεατръ*...». И далее: «въ Гражданскомъ языкѣ писать бы по *З а п а д н ы хъ* Выговору, а въ Цѣрковнейшемъ нѣсколько по *В о с т о ч н ы хъ* и Правописанію для взора и Произношенію для слуха»¹⁶.

В приведенных цитатах особенно наглядно проявляется стремление определить специальные нормы светского книжного языка, противопоставляемого языку церковнославянскому и в принципе ему равноправного.

2.4. Достаточно показательные совпадения оба автора обнаруживают и при рассмотрении букв *ѣ* и *ѥ*.

Если в Грамматике Адодурова сообщается, что буква *ѥ* «имѣетъ силу половину гласныя літеры *ѣ*» (§ 14, стр. 7)¹⁷, то такую же точно формулировку можно встретить и в «Разговоре об ортографии» ТрEDIAKовского: «нашъ (*ѥ*), есть половина буквы (*ѣ*)» (стр. 34 примеч.)¹⁸, причем в другом месте данного сочинения ТрEDIAKовский специально отмечает, что данное положение в ы с к а з ы в а л о с ь у ж е н е о д н о к р а т н о (см. стр. 47—48); очень вероятно, что при этом имеются в виду как раз сочинения Адодурова.

Адодуров выступает в своей Грамматике противником буквы *ѣ* и предлагает исключить эту букву из гражданской азбуки. По его словам, «ѣ не изъясляе^т никакого члвческаго голоса и для того въ прои³ношеніи словъ ничего не спосо^бствуетъ сіе подае^т праве³ную причину почитать сей знакъ въ нѣшей азбукѣ за и³лишней... ежели бы онъ и³ числа нѣш^х лі-

¹⁵ Личные собственные имена (входящие в православные святцы) относились по преимуществу к церковнославянскому языку, см.: В. А. У с п е н с к и й, Из истории русских канонических имен, М., 1969.

¹⁶ «Предъизясненіе объ Ироической Пѣимѣ», в изд.: В. Т р е д и а к о в с к и й, Тилемахида..., I, СПб., 1766, стр. LIX—LXI. Ср. о том же еще и в «Предуведомлении» к первому тому «Римской истории» (стр. 29 спец. пагинации): «при Греческихъ именахъ слѣдую, в нынѣшнемъ Гражданствѣ, больше Западному, а не Восточному произношенію».

¹⁷ Соответствующие указания можно найти и в более ранних сочинениях Адодурова, см. об этом: В. А. У с п е н с к и й, Первая грамматика..., стр. 94.

¹⁸ Ср. еще у ТрEDIAKовского во второй редакции статьи «Объ окончаніи прилагательныхъ именъ» (1755): «знакъ сей (*ѥ*), есть не-что иное, какъ-тѣ жъ самое (*ѣ*), но токмо ослабленное звѣномъ». См. изд.: П. П е к а р с к и й, Дополнительные известия для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 106.

те^р о^бщи^м согласіе^м бы^л выключенъ то бы не... произошло оттого въ изображеніи нѣи^х рѣчей літерами ни какой неспособности» (§ 15, стр. 7—8). Возможность исключения буквы ѣ обсуждает затем и Тредиаковский в «Разговоре об орфографии» (стр. 220—222) — с некоторым полемическим оттенком, направленным, видимо, против предложения Адодурова; при этом он ссылается на те же примеры (*подъемлю, объявляю*), которые фигурируют в Грамматике Адодурова, а отчасти и в его предшествующих работах¹⁹. Тредиаковский, который не является, вообще говоря, сторонником самой идеи, тем не менее, упоминает в этой связи о принципиальной возможности использовать в подобных случаях апостроф или дефис (*об-являю, с-едаю* и т. п.). Замечательно, что оба способа (*под-емлю, под'емлю*) можно найти в шведском переводе адодуровской Грамматики — во фразе, отсутствующей в русском списке (§ 5, стр. 9 шведского перевода). Если согласиться с предположением, что различия русского и шведского текстов объясняются разными редакциями исходного текста, а не инициативой шведского переводчика²⁰, то и этот пример, очевидно, свидетельствует о знакомстве Тредиаковского с данной грамматикой.

Тредиаковский повторяет и мнение Адодурова, что ер (ѣ) вообще не является буквой в собственном смысле этого слова; оба грамматиста более или менее последовательно именуют ер не буквой, а з н а к о м. Однако, в отличие от Тредиаковского, который в точности так же трактует и букву ъ, Адодуров считает ерь буквой, определяя ее как «полгласную литеру»; см. §§ 4, 15, 16 Грамматики Адодурова (стр. 4, 7—10) и стр. 47, 19—20, 69—70, 112 трактата Тредиаковского. Добавим, что и Адодуров (Грамматика, § 16, стр. 10) и Тредиаковский («Разговор об орфографии», стр. 70) возражают против идущего от Мелетия Смотрицкого определения еров как «припрязногласных».

2.5. Наконец, и принципы слогаделения, описываемые в §§ 78—89 адодуровской Грамматики чрезвычайно близки к тому способу деления на слоги, который излагается у Тредиаковского («Разговор об орфографии», стр. 423—427). Ср.:

А до ду ров, Гра мм а т и к а
(§§ 83—87, стр. 47—48 шведского
перевода)²¹

När en medljudande bokstaf kommer at stå emellan twenne sielfjudande bokstäfwer, så måste then fogas til sista stafwelsen, och icke lemnas wid then första, som sielfwa uttalet tydeligen med sig bringer (§ 83, стр. 47).

...skulle twenne lika medljudande bokstäfwer komma at stå emellan twenne sielfjudande uti et ord, tå hörer then första medljudande bokstafwen til then första stafwelsen, och then sista til then senare (§ 84, стр. 47).

Т р е д и а к о в с к и й,
«Разговор об орфографии»
(стр. 423—427)

Ежелі... между двѣмя гласными, ілі двугласными... найдется одна буква согласная; то оная принадлежать долженствуетъ ко второй, тоестъ къ послѣдующей гласной, ілі двугласной: причіна сему, натура нашего проісношенія (стр. 423)

Буде... между двѣмя гласными... найдутся двѣ буквы согласные... одинакіе обѣ, тоестъ, ілі двоі (б), ілі два (д) і прочая, то одна ізъ сіихъ долженствуетъ принадлежать къ предідущей гласной, а другая къ послѣдующей (стр. 423).

¹⁹ Ср.: Б. А. Успенский, Первая грамматика..., стр. 93—94.

²⁰ Подробную аргументацию см. в нашей цитированной статье («Первая грамматика...», стр. 90—96).

²¹ Соответствующие параграфы дошли до нас лишь в шведском переводе.

...sådane medljudande bokstäfwer midt uti orden icke skiljas, hwilka i början af ordet kunna förenas (§ 86, стр. 48, ср. также § 85, стр. 47).

Sammansatte ord åtskiljas i the delar, af hwilka the sammanfogade äro (§ 87, стр. 48).

Показательно также признание в некоторых случаях возможности разного деления на слоги одного и того же слова, причем оба автора даже приводят один и тот же пример: *пер-вый* и *пер-вый* (§ 85 у Адодурова; стр. 424 у Третьяковского). Следует подчеркнуть, что мы имеем здесь описание специального слога деления гражданских текстов, отчетливо противопоставленного слога делению церковных книг²². Это противопоставление в дальнейшем проявлялось на письме при переносе со строки на строку, а в процессе обучения грамоте — при чтении по складам²³.

2.6. Список совпадений между указанными сочинениями Адодурова и Третьяковского можно продолжить, сославшись на ряд более частных замечаний или рекомендаций.

Предложение ввести в алфавит букву *г* для передачи взрывного [g], которое отсутствует в дошедшем до нас русском списке Грамматики Адодурова, но содержится в ее шведском переводе (см. § 5, стр. 5 шведского перевода), так же как и в более раннем грамматическом Очерке Адодурова 1731 г. (стр. 3—4), — высказывает затем и Третьяковский («Разговор об орфографии», стр. 380—383). Еще Я. К. Грот предполагал, что Адодуров и Третьяковский могли заимствовать эту мысль один у другого²⁴. Необходимо заметить, что введение в азбуку специального обозначения для взрывного [g] знаменует определенную легитимацию русской не книжной фонетики, т. е. признание возможности включения ее в сферу литературного (письменного) языка: в нормативном книжном произношении букве *г* соответствовал фрикативный [γ]²⁵.

Точно так же оба автора довольно близки в своей трактовке буквы *ы*, отмечая вообще ту трудность, которую представляет соответствующий звук для иностранцев, и, в частности, то обстоятельство, что последние произносят данную букву то как [i], то как [u] Ср.:

А до ду ров, Гра мм а т и к а
(§ 58, стр. 55—56)

Т р е т ь я к о в с к и й, « Р а з -
г о в о р о б о р т о г р а ф и и »
(стр. 49—50)

Не меньшую трудность находя^т чужестранныя и при гласны^х *ы* и *и* иногда произносят они сие *ы* такъ, какъ самое *и* а иногда какъ

Полякі въ [буквы *ы*.— Б. У.] звонъ чисто произносятъ, для того что она есть ихъ (*у*) несокращенное. Но всѣ прочіи европейцы едва,

²² См.: Б. А. Успенский, Старинная система чтения по складам, ВЯ, 1970, 5, стр. 90.

²³ Ср. соответствующую разницу складов в букварях церковной и гражданской печати, а также различие в переносе слов в церковнославянских и в русских гражданских книгах.

²⁴ См.: Я. Грот, Филологические разыскания, II, 2-е изд., СПб., 1876, стр. 186, примеч. 2.

²⁵ См.: Б. А. Успенский, Архаическая система церковнославянского произношения, М., 1968, стр. 41—42.

у. Потому что недостае^т имъ въ свое^м языкѣ онаго гласа которой наше^{му} ы свойстве^{нно} приличень или которой бы съ лі^т: ы бы^л со- ве^ршенно сходе^н.

ілі Ещче Едва, развѣ чрезъ весьма долгое обхожденіе прывыкшіі съ нашімі, могутъ въ выговорить... оні всегда проісносятъ въ ілі какъ простое (i) ілі какъ французское (ou).

Замечание о соответствии русской буквы ы и польской буквы у, имеющееся у Тредиаковского, отсутствует в Грамматике Адодурова, но содержится, между тем, в его кратком Очерке 1731 г. (стр. 5).

Не меньшее сходство наблюдается и в трактовке позиционного поведения звуков. Так, наблюдение о несочетаемости «двогласных» букв я и ю с буквами ж, ч, ш (ш), а также с г (г), к, х, которое встречаем в Грамматике Адодурова (§ 64, стр. 68)²⁶, повторяется затем и у Тредиаковского («Разговор об орфографии», стр. 408—409), причем оба автора могут даже сослаться на один и тот же пример: «чудо, а не чюдо». Предположение о влиянии Адодурова на Тредиаковского в данном случае тем более вероятно, что в ранних своих произведениях Тредиаковский совсем не следовал этому правилу, а более или менее регулярно писал, напротив, *чувство, очюнь, плачютъ* и т. п. (см. эти и подобные формы в «Езде в остров любви» 1730 г.).

То же относится и к замечаниям об ассимиляции согласных, ср., например, об ассимиляции *з > ж, с > ш* в § 23 (пункт VI; стр. 14—15) Грамматики Адодурова и на стр. 410 трактата Тредиаковского. В §§ 23—24 своей Грамматики Адодуров формулирует общую тенденцию русского произношения, согласно которой перед «умягченными» (т. е. звонкими) полагаются обычно также «умягченные», а перед «жестокими» (т. е. глухими) — «жестокие» же (стр. 12—17). Очень близкую формулировку можно найти затем у Тредиаковского, который называет звонкие «мягкими», а глухие «твердыми»: «выговоръ російскій соединяетъ мягкіе буквы съ мягкімі, а твердые съ твердымі» («Разговор об орфографии», стр. 404). По мысли обоих грамматистов, это явление должно отражаться на правописании.

Уместно отметить в этой связи, что оба автора, называя «мягкими» (или «умягченными») звонкие согласные, считают возможным одновременно говорить при этом, что буква ь «умягчает» предшествующий согласный [см. § 14 Грамматики Адодурова (стр. 7)²⁷ и стр. 223 «Разговора об орфографии» Тредиаковского], т. е. используют соответствующий термин в существенно отличном значении. Подобная непоследовательность

²⁶ Это наблюдение, между прочим, дает повод Адодурову сделать следующее замечание: «вмѣсто гласного е въ словѣ *очень* многіе кладутъ двогласное ю которое какъ для согласнаго літеры ч, в семь слогѣ стоя^т не може^т, но до^лженствоват^о бы... перемѣнено бы^т въ літеру у, такъ противно то и наилучшему прои^сношенію, для того что всѣ которы^м мы въ то^м до^лжны послѣдова^т, выговариваю^т сіе слово *очень* а не *очуль*, ниже *очюль*...» (§ 65, стр. 69).

Едва ли может быть сомнение в том, что это замечание полемически направлено против Тредиаковского, для которого форма *очюнь* была (в свое время) настолько характерна, что могла служить даже объектом насмешек. Так, Сумароков в пародийной комедии «Тресотинус» (1750) специально передразнивает эту манеру Тредиаковского, выводимого под именем Тресотинуса: «Т р е с о т и н і у с ъ. Однакожь, не поскучитель послушать, а пѣсенка сочинена *очюнь, очюнь*, подлинно говорю, что *очюнь* хорошо... К л а р и с а. *Очень* сударь хорошо; я вамъ вѣрю, что эта пѣсня хороша» (А. П. Сумароков, *Очень* собрание всех сочинений в стихах и прозе, 2-е изд., ч. V, М., 1787, стр. 301).

²⁷ Эта омонимия сохранена и в шведском переводе. Ср. здесь, на стр. 8 и 11, термин *wek* в разных значениях: «мягкий» и «звонкий».

особенно наглядно демонстрирует близость Адодурова и Тредиаковского, которая проявляется не только в содержательном, но и в чисто формальном (в данном случае — терминологическом) плане.

3. Итак, сопоставление пространной грамматики Адодурова и «Разговора об орфографии» Тредиаковского обнаруживает целый ряд разительных совпадений, позволяя оценить то влияние, которое оказала адодуровская Грамматика на трактат Тредиаковского. Но в одном случае Тредиаковский, по-видимому, сообщает в своем сочинении о важном лингвистическом наблюдении Адодурова, не вошедшем в данную грамматику — во всяком случае в тот текст, который известен нам по единственному русскому списку и по шведскому переводу Грёнинга. Тредиаковский не называет прямо имени Адодурова (как не называет в других случаях Татищева и других современных ему авторов, на мнения которых он ссылается²⁸), но указывает, что данное наблюдение «примѣчено... прежде всѣхъ изъ нашихъ отъ такова челоуѣка, бывшаго нѣкогда при Академіи, который нынѣ и не въ такіе проицаеть мѣлочі, такъ что мы великую имѣемъ причіну, хваліться столькожъ іспрядствомъ его разума, сколько похваляемъ чесныѣ его поступкі, учтівое обхожденіе, і добронравіе» («Разговор об орфографии», стр. 148—149 примеч.); и в другом месте он говорит, что автор данного наблюдения — «нѣкто изъ нашихъ весьма довольнаго ученія челоуѣкъ, котораго я къ себѣ дружбу почитаю» (там же, стр. 398). Уже Пекарский предположил, что речь идет при этом об Адодурове²⁹, который к 1748 г. уже оставил Академию и служил в сенате; едва ли можно сомневаться в справедливости этого предположения (его, кстати, безоговорочно принимает и Винокур³⁰).

Это наблюдение Адодурова относится к аканью. Тредиаковский пересказывает его следующим образом: «Всѣ (о), во всемъ Россійскомъ проішошеніи, проісглашаются такъ, какъ того требуетъ звонъ. Но московскій языкъ, і сімъ самымъ первенствующій изъ всѣхъ прочіхъ провинціальныхъ, проіноситъ всѣ (о) ударяемыі сілоу, какъ (о); но которы не ударяются сілоу, тѣ оный главнѣйшій выговоръ проіноситъ какъ (а). Напрімеръ, въ семь словъ ХОРОШО, понеже оба первый оны неударяемыі; то оны проіносятся такъ, какъ будто написаны чрезъ (а) сімъ образомъ: ХАРАШО. Ономъ токмо третій (о) проіносітся въ семь словѣ, для того что тотъ Онъ сілоу ударяется» («Разговор об орфографии», стр. 148—149 примеч.). И в другом месте: «въ московскомъ выговорѣ всѣ (о) неударяемыі за (а) проіносятся. Примѣръ: *малакб*, вмѣсто *молокб*» (там же, стр. 398, ср. еще и на стр. 305, 368). Тредиаковский так комментирует это наблюдение: «поістиннѣ, сіе колъ ні коротнѣеко правіло, однако всему языку равное: надобно токмо знать, которы Оны ударяемыі, і которы неударяемыі» («Разговор об орфографии», стр. 149 примеч.).

Мы можем только догадываться о том, почему данное наблюдение — действительно замечательное для своего времени — не вошло в тот текст Грамматики Адодурова, который имеется в нашем распоряжении. Од-

²⁸ Это вполне обычно для того времени. Характерно, что обращаясь осенью 1747 г. к Татищеву с просьбой прислать ему список «Рассуждения о буквах кирилловских» для опубликования в своем «Разговоре об орфографии», Тредиаковский считает нужным дать специальное обещание, что не будет открывать имени составителя «Рассуждения...» (см. переписку Татищева с Тредиаковским и Шумахером за 1747 г. в изд.: А. И. Андреев, Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг., «Исторический архив», VI, М.—Л., 1951). Итак, цитирование чужого мнения не предполагало ссылки на его автора и даже наоборот — в определенных случаях исключало ссылку такого рода.

²⁹ См.: П. П е к а р с к и й, История имп. Академии наук в Петербурге, I, СПб., 1870, стр. 506.

³⁰ См.: Г. О. В и н о к у р, указ. соч., стр. 482.

нако, с известной вероятностью можно предположить, что соответствующее правило должно было войти в специальную часть Грамматики, посвященную «Просодии». В самом деле, в том плане грамматики, который представлен в самом ее начале («О грамматикѣ во обще», стр. 1), предполагаются не три, а четыре части Грамматики, а именно: Орфография, Этимология (т. е. морфология), Синтаксис и Просодия, причем если в Орфографии надлежит «разсу^ждать о літера^х, ихъ раздѣленіи и употребленіи», то Просодия призвана сообщить, «какъ всякое въ рѣчи положенное слово правильно выговарива^т»; см. еще об этом в § 102, где говорится, что в соответствующей части изъясняется, «какъ писмо^м изображенную рѣчь, живы^м голосо^м произнести, или прочитати до^жжно» (стр. 111). Можно сказать, что как орфография, так и просодия рассуждает об одном и том же предмете — соотношении фонетического и графического облика текста — но с противоположно направленными позициями: если в орфографии в тривиальном случае рассуждение ведется от звука к букве, то в просодии, напротив, — от буквы к звуку³¹.

Между тем, в наиболее полном по составу текста шведском издании Грамматики Адодунова представлены только три первые части и отсутствует часть, посвященная «просодии».

Вместе с тем, еще в своем Очерке 1731 г. (стр. 48) Адодунов сообщал читателю, что он мог бы привести некоторые правила, относящиеся к просодии, но что изложение данных правил ему приходится оставить для более пространного сочинения. Мы вправе предположить, что речь идет при этом именно о наблюдении над аканьем: последнее могло быть отнесено к просодии как в узком значении этого термина (в связи с зависимостью аканья от ударения), так и в том более общем смысле, которое придается данному слову Адодуновым (как, видимо, и некоторыми дру-

³¹ Если подобное деление грамматики соответствует вообще славянской, а в конечном счете и греческой грамматической традиции (см., в частности, грамматику Смотрицкого), то изложенное здесь понимание термина «просодия», кажется, в гораздо меньшей степени опирается на традицию. Так, например, у Смотрицкого хотя и подчеркивается неоднозначность данного термина, но отмечаются только следующие два его значения: просодия как учение о слогах в связи с правилами версификации и просодия как совокупность акцентных или вообще диакритических знаков (см. изд. 1619 г., л. Б³ об, или изд. 1648 г., л. 59). Мы можем сослаться, однако, на рукописный грамматический трактат 1725 г. под заглавием «Технологіа то есть художное собесѣдованіе ѿ грамматическо^м художествѣ...» (рукопись Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, шифр: ИСРК F 1924.60), где соответствующие разделы грамматики определяются следующим образом: «Орфографія учить знать разнство писменъ. Етимологіа реченій. Синтаксисъ зныхъ реченій сложеніе. Просодіа же всѣхъ сихъ гласомъ произношеніе» (стр. 7); и далее здесь же: «просодіа есть познаніе чрезъ знаки праваго писанія и произношенія или чтенія» (стр. 11). В свою очередь, чтение определяется здесь как «второе знаніе, зане первое знаніе бываеъ чрезъ писмена» (стр. 196), и подразделяется «на правое писменъ произношеніе, на удареніе, на строчное препинаніе, и на погласица» (стр. 197).

Можно полагать, что понимание термина «просодия», проявившееся как в «Технологии...» 1725 г., так и в Грамматике Адодунова, обусловлено непосредственным влиянием со стороны западноевропейских языков, где соответствующее слово, восходящее к лат. *accentus* может означать как «ударение», так и вообще «произношение» (ср., между прочим, сохранение последнего значения в русском заимствованном слове *акцент*). Установление лексической корреляции: «просодия — акцент» могло повлечь за собой изменение значения первого слова под влиянием второго.

Нетрудно усмотреть здесь тенденцию сохранить формальную схему славянской грамматики, влияя в нее новое содержание. Выше мы отметили уже проявление подобной тенденции в Грамматике Адодунова (в связи с термином «переменяющиеся» согласные, см. стр. 17 наст. работы).

гими авторами того времени)³². Это наблюдение, таким образом, должно было войти в заключительную часть Грамматики, до нас не дошедшую и, может быть, вообще не написанную. Выполнению первоначального плана могло помешать как прекращение публичных лекций при Академии наук осенью 1740 г., так и особенно отзыв Адодунова из Академии в апреле 1741 г.

Итак, орфографический трактат Тредиаковского 1748 г. может выступать в качестве источника, позволяющего судить о лингвистических взглядах Адодунова. Более того, в некоторых случаях этот источник может прямо способствовать реконструкции более полного текста адодуновской Грамматики.

Так, в §§ 116—117 Грамматики Адодунова мы встречаем упоминание о какой-то дискуссии относительно знаков препинания, имевшей место еще до написания этого сочинения. Свидетельство об этой дискуссии можно найти и у Тредиаковского, причем Тредиаковский приводит обширное рассуждение о знаках препинания, выбранное «из книжки нѣкотораго не беззнатнаго писателя» («Разговор об орфографии», стр. 260—266, примеч.). С большой вероятностью можно полагать, что изложение этого же самого рассуждения должно было завершать первую часть Грамматики Адодунова (посвященную орфографии). В самом деле, в заключительной фразе дошедшего до нас отрывка русского текста Грамматики Адодунова (в русском списке представлена именно первая часть данной грамматики) автор обещает, «послѣдую рассужденію нѣкотораго писателя наши^х время^н», изложить правила употребления знаков препинания (стр. 133—134); однако же текст на этом обрывается, и соответствующие правила отсутствуют. (Что касается шведского перевода, то в нем вообще отсутствуют параграфы, посвященные знакам препинания, иначе говоря, §§ 115—118 первой части³³.) Есть все основания предполагать, что здесь имеется в виду тот же самый «не беззнатный писатель», о котором говорит Тредиаковский. Действительно, те немногие характеристики знаков препинания, которые даются в адодуновской Грамматике (причем автор ясно указывает в § 118, что эти характеристики принадлежат не ему), могут почти дословно совпадать с цитируемым у Тредиаковского рассуждением этого писателя. Ср.:

Адодунов, Грамматика
(§ 117, стр. 132—133)

Рассуждение неизвестного автора, цитируемое у Тредиаковского («Разговор об орфографии», стр. 261—263 примеч).

Запятая съ точкою, значить смыслъ бо^{ль}ше совершенный нежели одна запятая, а не такъ полной, какой н^е является чре^з двоеточіе (стр. 133).

Точка съ запятою... по содержанію полнѣе нѣсколько запятыя, а меньше тѣмже содержаніемъ двоеточія... (стр. 263)

³² Ср. в этой связи в черновых материалах Ломоносова к «Российской грамматике»: «Онъ отъ аза для перемѣны удареній и для аналогіи знать, различать неотмѣнно надобно какъ ъ от е, такъ же и для перорачіи» (см.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., VII, М., 1952, стр. 691).

³³ Пропуск §§ 115—118 в шведском переводе может объясняться как раз тем, что раздел, посвященный употреблению знаков препинания, не был закончен в Грамматике Адодунова. Во всяком случае этот раздел не имеет конца в известном нам списке; можно предположить, что он не имел конца и в том оригинале, которым располагал шведский переводчик (М. Грёнинг), ввиду чего последний мог предпочесть вовсе выпустить весь соответствующий тематический раздел как незавершенный. Вполне вероятно, что данный раздел вообще не был дописан, поскольку далее (после § 118) должен был следовать не оригинальный текст, а изложение рассуждений данного «писателя» или даже прямая цитата из его сочинения; поэтому автор мог пропустить соответствующее место, а затем по тем или иным причинам к нему не вернуться.

Запятая употребляется для раздѣленія имѣ^н, глаголовъ, наречій, и таки^х частей в стихѣ [т. е. в предложении.— *Б. У.*], которыя ме^{жду} собою не по нуждѣ соединяются³⁴ (стр. 132).

Должность запятыя... разныя імена, глаголы, і другіе скланяемыя часті, до одной надлежашчіе вѣщчѣ, раздѣлять (стр. 261—262).

4. Представленный выше фактический материал демонстрирует значительную близость лингвистической концепции Адодурова и Тредиаковского, давая возможность рассматривать пространную грамматику Адодурова как один из тех источников, которыми пользовался Тредиаковский при создании своего «Разговора об орфографии». Собственно говоря, это совершенно естественно, и дело вообще едва ли могло и обстоять иным образом. Адодуров и Тредиаковский были близко знакомы уже с осени 1730 г., когда только что возвратившийся из заграницы Тредиаковский жил на квартире у Адодурова, бывшего в то время академическим студентом³⁵.

Надо полагать, что именно по совету Адодурова Тредиаковский опубликовал в качестве приложения к переводу «Езды в остров любви» свои собственные стихотворные опыты. Действительно, в специальном предисловии к этому приложению («Извѣстіе читателю») Тредиаковский сообщает, что печатает свои стихи «по совѣту... пріятелей», которые ведают «въ стихахъ силу»: «ежелибъ онымъ [стихам.— *Б. У.*] здесь небыть, то бы имъ надлежало въ вѣчномъ безызвѣстїи пропасть, чего имъ друзья мои въдушчїя въ стихахъ силу нежелали»³⁶. Едва ли возможно сомневаться, что речь идет при этом об Адодурове: ведь книга вышла в свет очень скоро после приезда Тредиаковского в Петербург, т. е. в период особенно тесных контактов между Адодуровым и Тредиаковским³⁷. Тредиаковский вполне мог считать Адодурова «ведущим в стихах силу»: документально известно, что они обсуждали в то время поэтические произведения — так, Адодуров познакомил Тредиаковского с латинской одой Феофана Прокоповича на коронацію Петра II, которая произвела на Тредиаковского очень сильное впечатление³⁸.

³⁴ В тексте сначала говорится: «по нуждѣ не соединяются», но затем при пересказе этого места в § 118 (стр. 133) дается более осмысленное сочетание данных слов. В приведенной цитате произведена соответствующая конъектура.

³⁵ См.: П. П е к а р с к и й, История имп. Академии наук в Петербурге, I, СПб., 1870, стр. 504; II, СПб., 1873, стр. 18.

³⁶ См.: [П. Т а л ь м а н], Езда в остров любви, СПб., 1730, стр. 150. Ср.: П. Н. Б е р к о в, Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765, М.—Л., 1936, стр. 27.

³⁷ Что касается формы множественного числа в приведенных цитатах, то, разумеется, вовсе не обязательно трактовать ее буквально — она имеет здесь значение неопределенности, что вообще характерно для стиля Тредиаковского. Доказательством сказанного может служить, между прочим, авторская правка в рукописном оригинале «Разговора об орфографии» (см.: Архив АН СССР, разряд II, оп. 1, ед. хр. 137). Здесь видно, как Тредиаковский более или менее последовательно исправлял форму единственного числа на безличное множественное (в случае глухих персональных ссылок такого же рода).

³⁸ В написанном летом 1734 г. «Рассужденїи о одѣ во обще» Тредиаковский так вспоминал об этом: «Я когда прїѣхалъ изъ Франціи въ Санктпетербургъ, и чрезъ прїятство одного мнѣ друга, въ Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ, достойнаго Адьюнкта, лишь въ первые сталъ читать сообщенную мнѣ ту Оду, и почувствовалъ Энтузіасмъ Ея превысокіи, то въ толь великіи Энтузіасмъ удивленїа и самъ пришолъ, что не могъ, свидѣтельствуюся совѣстїю моею, удержаться, чтобъ съ дважды, или съ трижды не вскричать: БОЖЕ МОИ! Какъ эта Ода хорошо, и мастерики сдѣлана!» (см.: В. Т р е д и а к о в с к и й, Ода торжественная о здѣче города Гданска..., СПб., 1734). Несомненно, имеется в виду Адодуров, который был ко времени написания этих строк уже адьюнктом (с 1733 г.).

Позднее Адодурову приходилось переводить и немецкие стихи (см.: А. К у н и к, Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке, I, СПб., 1865,

Наконец, с начала 1735 г. Тредиаковского и Адодунова связывала и совместная работа в Российском собрании при Академии наук.

Текстуальная близость лингвистических выступлений Адодунова и Тредиаковского обнаруживается вообще уже с первых литературных дебютов того и другого. Достаточно указать, что знаменитая (хрестоматийная!) фраза Тредиаковского в предисловии к «Езде в остров любви»: «Языкъ славенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится» — находит д о с л о в н о е соответствие в грамматическом Очерке Адодунова 1731 г.: «nunmehr aller Slavonismus... einen greßlichen Laut in denen Ohren derer Neutigen erreget» (стр. 26)³⁹; то обстоятельство, что Адодунов имел, видимо, ближайшее отношение к публикации «Езды в остров любви», делает это совпадение особенно знаменательным. Если считать, что очерк Адодунова переводился с русского (а не сочинялся непосредственно по-немецки), то следует предположить, что слово *greßlich* (в современном правописании: *gräßlich*) именно и представляет собой прямой перевод русского слова *жестокый* ~ *жесткий*⁴⁰. Трудно с уверенностью сказать, какое произведение было раньше написано (что касается предисловия к «Езде в остров любви», то оно было сочинено Тредиаковским, по всей видимости, осенью 1730 г., по приезде в Петербург; между тем, подготовка издания, в котором был опубликован адодуновский очерк, началась, вообще говоря, еще до 1729 г., но сам очерк при этом мог быть написан и позднее). Важно, однако, иметь в виду, что у Адодунова эпитет *greßlich* «жесткий» выступает в противопоставлении к *zierlich* «нежный»: если церковнославянские формы характеризуются у Адодунова эпитетом *greßlich*, то соответствующие русские формы оцениваются как *zierlich*: так, здесь сообщается, что форма *нѣжнѣе* («zierlicher»), нежели *нѣжнѣе*. Между тем, цитированное высказывание, как и указанное противопоставление, без преувеличения может считаться эпохальным: с одной стороны, оно знаменует очевидную переоценку ценностей, так как ранее положительный эпитет ожидался бы скорее применительно к церковнославянскому языку, а эпитет отрицательного значения — применительно к языку русскому; с другой стороны, отныне соответствующее противопоставление прочно входит в языковое сознание носителя литературного языка⁴¹.

стр. 81, 83). Вполне закономерно, что именно Адодунову, вместе с Таубертом, было поручено в 1740 г. рассматривать известный спор Тредиаковского и Ломоносова о стихосложении.

³⁹ Ср.: В. О. U n b e g a u n, Russian grammars before Lomonosov, «Oxford Slavonic papers», VIII, 1958, стр. 110—111.

⁴⁰ Форма *жестокъ* не имеет акцента у Тредиаковского, но можно думать, что прилагательные *жестокый* и *жесткий* могли дифференцироваться лишь стилистически, но не семантически (ср. в этой связи: V. K i r a t s k y, Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, Heidelberg, 1962, стр. 273).

К пониманию семантики слова *жест(о)кий* в данном употреблении можно сослаться на относящийся к тому же времени, что и цитируемые сочинения Тредиаковского и Адодунова (а именно, к 1730 г.) кантемировский перевод «Разговора о множестве миров» Фонтенеля. В предисловии Фонтенеля здесь говорится, что автор старался филозофию «привести въ такую мѣру, чтобъ была ни весьма же с к а для всѣхъ общества людей, ни гораздо шутивя для ученыхъ», причем к слову «жеска» Кантемир делает следующее примечание: «Жеска. Пофранцуски въ оріѣналѣ стоитъ *fehche*, что въ семь мѣстѣ значить свойство непрятное, недающее ни какой забавы» (см. примеч. 3 к «Автору предисловію» в изд.: [Б]. Ф о н т е н е л л, Разговоры о множестве миров, СПб., 1740).

⁴¹ Отражение цитированной выше фразы нетрудно усмотреть, например, в «Наставлении хотящимъ быти писателями» А. П. Сумарокова (1774), где говорится, что «в пастушьихъ стихахъ», т. е. идиллиях, эклогах, «громкіе слова чтеца ушамъ ж е с т о к ѣ»; под «громкими» словами понимаются, несомненно, слова высокого слога. Точно так же и Батюшков в своем полемическом «Видении на берегахъ Леты» (1809) писал

В орфографических рекомендациях Тредиаковского 40-х годов в большой степени реализуются те предложения, которые были высказаны в том же адодуровском Очерке 1731 г. В самом деле, уже в Очерке 1731 г. (стр. 3) говорится о возможности исключить из русской (гражданской) азбуки буквы *з, и, е*, заменив их соответственно через *s, ĭ, ѣ*, что и реализуется практически в орфографии Тредиаковского; то же относится и к предложению ввести букву *г* для обозначения взрывного [g], о чем уже упоминалось выше. Ср. еще замечание о противопоставлении церковной и гражданской пунктуации в Очерке 1731 г. (стр. 6), превосходящее соответствующие рекомендации Тредиаковского в «Разговоре об орфографии» (стр. 258—272). Наконец, именно в данном очерке Адодурова мы впервые находим ссылку на «обыкновенное употребление и произношение» («gewöhnliche Gebrauch und Aussprache», стр. 3), игравшую затем столь важную роль в стилистической теории и нормализаторской практике Тредиаковского.

Особенно же разительны текстуальные совпадения «Разговора об орфографии» Тредиаковского с более поздней *п р о с т р а н н о й* Грамматикой Адодурова, которые и были специально рассмотрены выше.

Ясно, что отмеченные совпадения, может быть, не всегда говорят о прямом заимствовании. При столь близких отношениях почти невозможно вообще определить, кому в конце концов принадлежала та или иная идея или формулировка: можно только фиксировать, кто первым ее публично высказал. Но мы вправе предположить, во всяком случае, что влияние Адодурова на лингвистические воззрения Тредиаковского было очень значительным.

В высшей степени знаменательной представляется сама общность интересов Тредиаковского и Адодурова. Тредиаковский также начинал работать над грамматикой русского языка — написать которую суждено было, однако, Адодурову. Так, в перечне обязанностей Тредиаковского, составленном при поступлении его на службу в Академию наук и подписанном президентом Академии Г. Кейзерлингом 14 октября 1733 г., говорится, что «помянутой Тредиаковский обязуется... вычищать языкъ рѣской пишучи какъ стѣхами, такъ ѿ не стѣхами... ѿ к о н ч и т ь Г р а м м а т и к Ѹ, к о т ѳ р Ѹ ю ѿ н ѣ н а ч а л ь, ѿ т р ѣ д и т ь с я с о в о к у п н о с ѳ п р о ч и м и н а д ѳ Д і к ц і о н а р і е м ѳ р ѣ с к и м ѳ»⁴². Нет никаких данных, которые позволяли бы предположить, что грамматика Тредиаковского была завершена, или вообще, что Тредиаковский сколько-нибудь далеко продвинулся в этом начинании. Что же касается начала данной грамматики — которое, в соответ-

позднее о поэтах-славенороссах:

Их мысль на небеса вперенна,
Слова ж из Библии берут.
Стихи их хоть немного ж о с т к и,—
Но истинно варяго-росски.

У того же Батюшкова в сцене «Вечер у Кантемира», Кантемир говорит: «Я первый изгнал из языка нашего *г р у б ы я* слова *С л а в я н с к и я*, чужестранныя, несвойственныя языку Русскому»; эпитет *грубый*, очевидно, выступает здесь как эквивалент слова *жесткий*.

Напротив, явления собственно русской языковой стихии с достаточной регулярностью могут характеризоваться эпитетом *нежный*. Так оценивается, например, аканье: по словам Тредиаковского («Разговор об орфографии», стр. 305), «н ѣ ж н ѣ ѿ ш і ѿ м о с к о в с к і ѿ ѿ г о в о р ѳ н о б ѳ х о д и м ѳ п р о і з н о с и т ь... (о), какъ (а)»; также и у Ломоносова в эпиграмме «Искусные певцы...» (1753 г.?) говорится, что

Великая Москва в языкѣ толь не ж н а,
Что А произносить за О велит она.

Таким же образом могут характеризоваться вообще все явления, противопоставляемые в сознании носителя языка церковнославянской языковой стихии и, соответственно, ассоциируемые с «нынешним» языком.

⁴² Цит. по кн.: П. Шекарский, История имп. Академии наук..., II, стр. 43; ср. соответствующие документы на французском языке в кн.: «Материалы для истории имп. Академии наук», II, СПб., 1886, стр. 392—393.

ствии с традицией, вероятно, было посвящено орфографии — то надо полагать, что соответствующие разделы легли в основу «Разговора об орфографии», а также работы о правописании прилагательных.

Замечательно при этом, что задачи, поставленные Академией наук перед Тредиаковским, совпадают с теми задачами, которые были сформулированы полтора года спустя самим Тредиаковским перед Российским собранием. Во вступительной речи Тредиаковского, обращенной к членам Российского собрания (произнесенной на первом заседании 14 марта 1735 г.), также говорится «о Грамматикѣ доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію, и основанной на ономъ... и о дікціонаріѣ полномъ и довольномъ»⁴³. Аналогично и в написанном позднее (11 октября 1736 г.) «Письме некоего россиянина...» Тредиаковский подчеркивал, что Российское собрание «учреждено... не только для поощрения и усовершенствования российского языка как в прозе, так и в стихах, но... также и для создания грамматики, коей до сих пор мы были лишены и каковая должна быть основана на наилучшем употреблении двора и людей искусных; а также, наконец, и для составления полного словаря»⁴⁴. Таким образом, Тредиаковский — которому, по всей вероятности, и принадлежит вообще сама идея организации Российского собрания (видимо, по образцу Французской Академии)⁴⁵ — как бы переадресует Российскому собранию те задачи, которые первоначально стояли перед ним одними. Между тем, с деятельностью этого собрания в конечном счете и связано, видимо, создание пространной Грамматики Адодурова⁴⁶.

Если Тредиаковский начинал работать над грамматикой русского языка, предвосхищавшей Грамматику Адодурова, то Адодуров работал в свое время (в 1740 г.) над «Правилами российской орфографии»⁴⁷, предвосхищавшими орфографический трактат Тредиаковского. В свою очередь, если работа Тредиаковского над данной грамматикой русского языка отразилась, очевидно, в его орфографических работах, то, напротив, изыскания Адодурова в области русской (гражданской) орфографии вошли, по всей видимости, в первую часть его пространной грамматики.

Влияние Адодурова играло, может быть, не последнюю роль в хорошо известной эволюции взглядов Тредиаковского на русский литературный язык. Нельзя не заметить, по крайней мере, что декларативные заявления Тредиаковского об отказе от «славенщизны» более или менее совпадают хронологически именно со временем общения его с Адодуровым (1730—1742). Как бы то ни было, мы во всяком случае можем утверждать, что «Разговор об орфографии» Тредиаковского явился в той или иной мере проводником лингвистических взглядов Адодурова⁴⁸. Доломоновский период отечественной русистики и прежде всего деятельность Адодурова и Тредиаковского в значительной степени подготовили почву для появления как грамматики Ломоносова, так и последующих опытов кодификации русской речи.

⁴³ В. Тредиаковский, Речь... к членам Российского собрания..., СПб., 1735, стр. 6.

⁴⁴ Цит. по кн.: Тредиаковский, Стихотворения, Л., 1935, стр. 354.

⁴⁵ См.: П. Н. Берков, Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 25.

⁴⁶ Ср.: В. А. Успенский, Первая грамматика..., стр. 97.

⁴⁷ См. там же, стр. 92—93.

⁴⁸ Действительно, многие идеи, которые приписывались как современниками, так и позднейшими исследователями Тредиаковскому, были впервые высказаны Адодуровым. Знаменательно, например, что в упоминавшейся выше сумароковской комедии «Тресотиниус», представляющей собой пародию на Тредиаковского, Тресотиниус-Тредиаковский учит писать *з* вместо *з*, употребляет форму *слатенька*; предполагалось, что по этим (и некоторым другим) признакам зрители должны были узнать Тредиаковского. Между тем, в действительности соответствующие орфографические рекомендации принадлежат, по всей видимости, Адодурову (насколько об этом можно судить вообще по дошедшим источникам).